

RU

Приемы нарушения литературно-культурного кода Рождества викторианской Англии в малой прозе Дж. К. Джерома (на материале произведения «Пирушка с привидениями»)

Воробец Т. А., Гердт Е. В., Лобкова Е. В.

Аннотация. Цель исследования – выявить приемы нарушения литературно-культурного кода Рождества викторианской Англии в малой прозе Дж. К. Джерома. В качестве материала исследования было выбрано произведение «Пирушка с привидениями». Научная новизна исследования заключается в том, что впервые данное произведение рассматривается через призму пародирования традиционных рождественских жанров, а также культурной традиции, связанной с празднованием Рождества. В статье выявляются ключевые особенности жанров рождественской новеллы и истории о призраках и подробно анализируется, как Джером их видоизменяет в своем произведении. Значительное внимание уделяется тому, какие черты быта и характера представителей викторианской Англии подвергаются пародированию, а также каким образом достигается комический эффект в рассматриваемом тексте. В результате было установлено, что основными приемами пародирования в «Пирушке с привидениями» являются рационализация чудесного, разрушающая атмосферу, характерную для рождественских жанров, абсурдность, возникающая за счет многократного повторения сюжетных ходов, гиперболизация «ненадежности рассказчика», проецирование образа действий живых на мир призраков и экспликация социальной изнанки британской респектабельности.

EN

Techniques of violating the literary and cultural code of Christmas in Victorian England in J. K. Jerome's short prose (on the material of the work 'Told After Supper')

Vorobets T. A., Gerdt E. V., Lobkova E. V.

Abstract. The study aims to identify the techniques of violating the literary and cultural code of Christmas in Victorian England in J. K. Jerome's short prose. The work 'Told After Supper' was chosen as the research material. The study is novel in that it is the first to consider the chosen work through the lens of parodying traditional Christmas genres, as well as the cultural tradition associated with the celebration of Christmas. The paper identifies the key features of the genres of the Christmas story and ghost stories and analyses in detail how Jerome modifies them in his work. Considerable attention is paid to the kind of peculiarities of everyday life and personality traits of representatives of Victorian England that are parodied, as well as the way the comic effect is achieved in the text under consideration. As a result, it has been found that the main parodying techniques in 'Told After Supper' are the rationalisation of the miraculous, which destroys the atmosphere characteristic of Christmas genres, the absurdity arising from the multiple repetitions of plot devices, the hyperbolisation of the "narrator's unreliability", the projection of the conduct of the living on the world of ghosts and the explication of the social underside of British respectability.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что пародийность является значимой особенностью текстов Дж. К. Джерома, ее изучение позволяет более полно рассмотреть взаимосвязь его текстов с культурной и литературной традицией. Большинство работ, посвященных творчеству Дж. К. Джерома, сосредоточены на исследовании разных аспектов его самого популярного произведения «Трое в лодке, не считая собаки» (Розеватов, 2012; Щербак, 2017; Омелаенко, 2021; Мишагина, 2022). Есть также публикации, освещающие новеллистику и публицистику Джерома, где затрагиваются жанровая специфика, образ героя, авторская позиция,

ирония как средство создания комического, а также связь с английской литературной традицией (Садомская, 1984; Зверев, 1995; Королева, 2006). Исследователи отмечают, что Джером, как и ряд других писателей XIX века, иронизировал над снобизмом, лицемерием и ханжеством викторианского общества.

А. М. Зверев обращает внимание на то, что «ряд его <Джерома> новелл и повестей (например, «Истории, рассказанные после ужина» <более распространенное современное название «Пирушка с привидениями»>) представляют собой иронические парафразы расхожих мотивов и жанров тогдашней беллетристики, рассчитанной на массовый спрос» (1995, с. 13), но подробно эту тему не развивает. Объектом нашего исследования стало именно это произведение, представляющее собой пародию на истории о призраках (ghost stories) и вместе с тем на рождественские новеллы, традиционно рассказываемые в викторианской Англии под Рождество.

В качестве материала исследования был использован текст Дж. К. Джерома в переводе М. Колпакчи, цитируемый по изданию: Джером Дж. К. Пирушка с привидениями // Джером Дж. К. Потерянная комната и другие истории о привидениях. 2009. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/yumoristicheskaya-proza/297923-dzherom-dzherom-pirushka-s-privideniyami.html>.

Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи: во-первых, выделить основные черты, характерные для литературной традиции жанров рождественской новеллы и истории о призраках; во-вторых, выявить нарушения литературной традиции в «Пирушке с привидениями» Джерома К. Джерома; в-третьих, определить, пародией на какие культурные и бытовые традиции становится «Пирушка с привидениями».

Для решения поставленных задач применяются следующие методы исследования: описательный метод, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод культурно-исторического анализа.

Теоретической базой для нашей статьи послужили работы, посвященные природе такого явления, как пародия, и классификации ее форм (Бахтин, 1979; Новиков, 1989; Фрейденберг, 1993), а также исследования, изучающие историю развития жанров «рождественская новелла» и «истории о призраках» (Липинская, 2021; Меретукова, 2018; Sagers, 2020).

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров, посвященных изучению английской юмористической прозы. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебных пособий и электронных учебных курсов по зарубежной литературе конца XIX – начала XX века.

Обсуждение и результаты

Уникальность данного произведения состоит в том, что пародия затрагивает сразу несколько уровней культурного бытия, отраженного в тексте. Мы можем говорить о пародии на бытовую традицию викторианской Англии, образ мыслей и поведения типичного англичанина и собственно на литературную традицию. Причем последняя представлена двумя аспектами: структура жанра «истории о призраках» как такового и типичные для него сюжетные линии, обыгрываемые во вставных новеллах.

В XIX в. в викторианской Англии складывается традиция торжественного празднования Рождества в кругу семьи. Она включает в себя такие элементы, как рождественская ель, праздничный ужин, открытки, подарки, игры и развлечения. Формируется образ Рождества как одного из самых ярких и ожидаемых событий года (Александрова Д. Викторианское Рождество: еда, традиции и подарки. 2021. URL: <https://diletant.media/articles/45334553/>).

Наряду с бытовой возникает и литературная традиция – рождественская новелла, которая окончательно оформляется как литературный жанр в середине XIX в. в творчестве Ч. Диккенса. Основными чертами классической рождественской новеллы являются рождественский хронотоп, вторжение в безрадостную и серую обыденную жизнь сверхъестественных сил, выступающих движителем чудесного, обеспечивая при этом «ускоренное развитие действия и неожиданный финал» (Меретукова, 2018, с. 160). В результате происходит духовное преображение героя. Исследователи отмечают, что постепенно этот жанр становится открытым для включения таких элементов, как пародия, а также таинственность и мистичность.

Параллельно с рождественской новеллой и на основе той же фольклорной традиции (истории о нечисти, отражающие представление о «Дикой охоте», приходящейся на период языческого Йоля) в английской литературе складывается жанр «истории о призраках» (Sagers, 2020). В отличие от возникшей раньше готической новеллы, здесь столкновение со сверхъестественным переживается обычным человеком, современником автора, на фоне обыденной реальности. Исследователи отмечают такие характерные черты этих историй, как наличие фигуры рассказчика, описывающего произошедшее с ним или услышанное от третьего лица, документализм, целью которого является создание иллюзии подлинности произошедшего, и в то же время «ненадежность рассказчика», обусловленная включением факторов, ставящих под сомнение достоверность рассказа, что оставляет читателю свободу верить или не верить истории (Липинская, 2021).

Дж. К. Джером в «Пирушке с привидениями», объединяя эти традиции, их разрушает. Прежде всего рассмотрим отход от канона рождественской новеллы. Уже во введении, где Джером задает общую концепцию дальнейшего повествования, создается образ Рождества, отличающийся от традиционного. Сохраняя внешнюю атрибутику празднования, Джером, иронизируя над каноном, лишает Рождество присущей ему атмосферы радости и ожидания чуда.

Обычно фраза «это было в сочельник» знаменует собой начало повествования о чудесном, но Джером заменяет чудо респектабельностью:

«Это было в сочельник. Я начинаю именно так потому, что это самое общепринятое, благопристойное и респектабельное начало, а я был воспитан в общепринятом, благопристойном и респектабельном духе...» (здесь и далее текст цитируется по (Джером, 2009)).

Более того, сама ночь, репрезентируемая в культуре как «белое Рождество», то есть снежное, нарядное и праздничное, оценивается исключительно негативно:

«Почему из всех ночей в году привидения избрали именно сочельник, я никак не могу понять. Обычно эта ночь – одна из самых неприятных для прогулок, – холодная, ветреная и сырая».

Подготовка к празднованию, прием гостей представлены как утомительная, докучливая обязанность:

«Под Рождество у каждого и без того достаточно хлопот с живыми родственниками, которых набирается полон дом, а тут еще втираются призраки покойных».

Рассказываемые под Рождество истории тоже лишаются присущей им атмосферы чего-то страшного и таинственного. Джером, иронизируя, сводит их фактически к полицейскому отчету, характеризуя их при этом как атрибут «веселого праздника»:

«Ничто нас так не привлекает в сочельник, как правдивые рассказы друзей о привидениях. В этот веселый семейный праздник мы любим рассуждать о могилах, мертвецах, убийствах и пролитой крови».

Вместо теплого, уютного Рождества, в котором сверхъестественное становится атрибутом чуда, у Джерома создается фактически противоположный, негативный образ, где призрачность приобретает почти физиологическую природу за счет сравнения призраков с лягушками и улитками:

«Наверное, в самом воздухе Рождества, в его спертой, душной атмосфере есть нечто призрачное, нечто, вызывающее на свет духов, подобно тому, как летние дожди привлекают на поверхность земли лягушек и улиток».

Что касается традиционных черт историй о призраках, все они присутствуют в «Пирушке с привидениями», однако в несколько утрированном виде. Прежде всего следует отметить, что данное произведение выглядит как подробный отчет о проведенном вечере, снабженный пространными комментариями, поясняющими причины тех или иных действий участников событий. Он написан с целью защиты репутации рассказчика и имеет отчетливо выраженную структуру: введение, в котором представлено теоретическое обоснование описанных событий, включающее квазинаучные классификации призраков, а также типичных героев и сюжетов историй о привидениях; описание вечера, включающее преамбулу «О том, как рассказывались эти истории», рассказы участников вечера о родственниках и знакомых и самого главного героя о его собственных приключениях. Заметим, что цель данного повествования указывается рассказчиком трижды: в преамбуле, комментариях, предшествующих его собственной истории, и в обращении к читателям после нее. Он всякий раз подчеркивает беспристрастность и правдивость изложения событий, тем самым пытаясь доказать свою респектабельность и благопристойность.

Традиционные истории о призраках нередко используют научный антураж для создания атмосферы загадочности и в то же время достоверности происходящего, Джером же, применяя этот прием, достигает прямо противоположного эффекта. Так, например, деление призраков на социальные классы, приписывание им соответствующих поведенческих привычек и реакций, подробное перечисление действий по подготовке к выходу в свет уподобляет загробное бытие повседневной реальности. Кроме того, данное описание эксплицирует то, что, как правило, не демонстрируется посторонним. Таким образом, автор одновременно еще и иронизирует над бытом и традициями викторианской Англии:

«Особенно готовятся к нему высшие слои общества <...>. В эту пору в мире духов повсеместно и с большим усердием разучиваются глухие стоны и дьявольское хихиканье. Неделями, наверно, репетируются душераздирающие крики и жесты, от которых кровь леденеет в жилах. Заржавленные цепи и окровавленные кинжалы вытаскиваются и приводятся в пригодный для работы вид, а покровы и саваны, заботливо спрятанные с прошлого года парада, вытряхиваются, чинятся и проветриваются. <...> Вероятно, целую неделю после сочельника духи-джентльмены жалуются на головную боль и торжественно клянутся, что с будущего года раз и навсегда прекратят всякие рождественские выступления, а призрачные леди становятся истеричными и колкими...».

Далее типологизация героев и сюжетов традиционных историй о призраках, сведение всего их многообразия к шести основным вариантам приводят в результате к тому, что истории, претендующие на уникальность и сверхъестественность, превращаются в некий штамп, что полностью разрушает атмосферу чудесного. Этому способствует и привнесение элементов комического в сами сюжетные линии. Далее мы рассмотрим, каким образом создается комический эффект.

С одной стороны, здесь можно говорить об эффекте обманутого ожидания читателей. Например, в истории о дерзком госте тайный ход приводит главного героя, следующего за призраком, не в комнату, где произошло какое-нибудь таинственное или ужасающее событие, а всего лишь в пивной погреб, которым «нередко пользовались в проклятые старые времена». В другом случае джентльмен, заглянувший в замочную скважину двери полуразрушенного аббатства, видит не какой-то страшный ритуал, а поцелуй призраков монаха и монашки. Кроме того, эффект обманутого ожидания может сопровождаться нарушением логики: в еще одном сюжете остановившиеся часы и явление призрака дядюшки означали не смерть последнего в указанное время, как можно было предполагать, а его свадьбу в другое время и даже в другой день.

В половине из описанных моделей так или иначе затрагиваются общественные нормы поведения и морали, которые, обыгрываясь в контексте мистической истории, нарушают ее канон и придают комичность. Так, дерзкий гость при встрече с призраком, как подобает истинному джентльмену, ни на мгновение не теряет

присутствия духа: он «преспокойно засыпает, поскольку привидение, по-видимому, не склонно вернуться, и, следовательно, нет смысла мучить себя бессонницей», далее «никому не рассказывает о встрече с духом, опасаясь напугать остальных гостей», наконец, на следующую ночь, прежде чем отправиться вслед за призраком, не забывает одеться и причесаться. В уже упомянутой выше истории о происшествии в полуразрушенном аббатстве картина целующихся призрачных монаха и монашки, грубо нарушающих тем самым моральные устои викторианской Англии, поражает джентльмена больше, чем самый темный ритуал, и доводит его до длительного обморока.

С другой стороны, в сюжете о даме-призраке наивный молодой человек, даже не понявший, что его посетило привидение, ставит семью своих знакомых в неловкое положение, спрашивая «каждую из дам, не она ли была его посетительницей». Испуг хозяина дома здесь может трактоваться двояко: он может бояться обнаружения темных тайн своих предков или опасаться за репутацию своих родственниц.

Логичность и рациональность рассказчика проявляются и в сопутствующем одной из историй размышлении о популярности и выгодных сторонах призрака-убийцы и призрака-жертвы, при этом читателю как бы предлагается выбрать будущее амплу в качестве привидения:

«Вы можете стать духом, либо собственноручно прикончив кого-нибудь, либо став жертвой кровавого преступления, – как вам больше нравится. Призрак-убийца как будто более популярен, но, с другой стороны, вы сумеете с большим эффектом пугать людей, если вы призрак убитого, ибо тогда вы можете показывать свои раны и издавать жалобные стоны».

Собственно история начинается с обстоятельного описания рождественского ужина, значительную часть которого занимает распитие спиртных напитков, и праздничных развлечений, из которых самыми значимыми были рассказанные гостями истории.

Несмотря на то, что рассказчик уверяет читателей в документальной точности передаваемой информации, «дань, отданная спиртным напиткам» самим героем, заставляет читателей усомниться в истинности утверждаемого.

Не все истории были в равной степени логичны и связны, что было обусловлено как состоянием гостей рождественского вечера, так и состоянием самого рассказчика. Это нашло свое отражение в том, что часть из них выделены в тексте подзаголовками, указывающими на рассказчика, тогда как другие имеют собственные названия. Заметим, что два из трех названий являются двойными в соответствии с устойчивой литературной традицией.

Не только весь текст произведения является пародией на истории о призраках, но и вставные новеллы, рассказанные персонажами «Пирушки». Первая из историй, рассказанная Тедди Биффлсом, – «Джонсон и Эмилия, или Преданный дух» – тоже происходит в сочельник. Ее сюжет не соотносится с теми типами, что были перечислены в начале, но в целом является достаточно распространенной романтической историей о юноше, уехавшем, чтобы добиться успеха и стать достойным любимой девушки, и его невесте, верно ждущей его возвращения. Несмотря на романтическую установку, рассказ отличается предельным рационализмом. Это касается мотивации действий как главного персонажа, так и обитателей дома с привидением.

Сам Тедди Биффлс действует по модели поведения «дерзкого гостя» из приведенных выше типов историй, обосновав для себя, почему ему не нужно бояться призрака:

«Я заколебался – ложиться спать в этой комнате или нет. Но потом вспомнил, что привидения опасны только грешникам, а потому лег, хорошенько закутался и заснул».

Далее в самой истории Джонсона героя ждут не приключения и подвиги, а, как понятно из эвфемистического описания, методичные мародерство и грабеж путешественников по Австралии, которая не ассоциировалась с романтическими деяниями во времена викторианской Англии:

«Путешественников в те отдаленные времена было мало, попадались они редко, и если удавалось изловить кого-нибудь на большой дороге, то имущество, обнаруженное на его трупе, часто не оправдывало расходов на самые скромные похороны. Поэтому Джонсону понадобилось почти двадцать лет, чтобы разбогатеть.

Выполнив тем не менее поставленную перед собой задачу и успешно избежав встреч с полицией, он благополучно выбрался из Австралии и вернулся в Англию...».

Возвращение Джонсона на родину тоже не вполне соответствует требованиям жанра. Несмотря на формальное сходство с каноном (Джонсон, наконец-то добравшись до дома Эмилии, «находит его заброшенным и погруженным в тишину»), таинственное исчезновение Эмилии обусловлено, как это можно предположить с большой долей вероятности, вполне прозаическими причинами: неплатежеспособностью ее семьи:

«Соседи ничего не могли сообщить, кроме того, что в одну туманную ночь вся семья Эмилии таинственно исчезла, и никто с тех пор их не встречал и ничего о них не слышал, хотя и владелец дома, и местные торговцы не раз пытались наводить о них справки».

Семья Тедди Биффлса тоже отличается весьма рациональным подходом к проблеме призрака. Начать с того, что они получили скидку на аренду дома из-за привидения. Далее, вместо того, чтобы бояться, родственники Тедди сначала сочувствовали «любезному и безобидному старому привидению», а вскоре стали испытывать раздражение и, наконец, решили от него избавиться. Рассмотрев возможные варианты (найти могилу настоящей Эмилии, какой-то другой усопшей Эмилии), семейство принимает решение «состряпать для старого хрыча что-нибудь похожее на могилу». Такой практичный подход приводит эту историю к романтическому финалу:

«Мы заманили его в сад в ту же ночь, и тут, друзья, произошла невообразимо трогательная сцена. Надо было видеть, как Джонсон бросился к надгробному камню и зарыдал. Глядя на него, отец и старший садовник Скиббинс плакали, как дети».

Поведение слушателей также соответствует установке на романтизм и сентиментальность, которая тем не менее легко объясняется общим состоянием персонажей.

История доктора, представленная второй, имеет некоторые общие черты с одним из типов сюжетов, указанных во введении: скептический гость после встречи с привидением становится седым, при этом он настолько испуган, что ничего не может рассказать. В этом же случае история признана всеми «самой мрачной и страшной», однако читатели могут только догадываться, что в ней произошло, но не из-за персонажей собственно истории, а из-за главного героя «Пирушки», который после очередной порции пунша так и не смог уловить суть повествования.

Третья история – «Загадочная мельница, или Развалины счастья», рассказанная мистером Кумбесом, начинается в полном соответствии с традиционным сюжетом. Герой, изначально не верящий в историю о кладе, проснулся в полночь «словно от толчка» и увидел старика-призрака, за которым он и отправился в надежде найти спрятанные деньги. Дальнейшее развитие сюжета противоречит ожиданиям читателей. Привидение регулярно появляется в течение трех недель, каждый раз указывая на новое место, и финалом истории становится не обретение клада, а полное разрушение мельницы. Комментарии к истории, которые обычно включают в себя попытки объяснения произошедшего, начинаясь с вполне типичного для призрака желания отомстить, завершаются совершенно нелогичным предположением, что он вообще был не мельником, а водопроводчиком или стекольщиком и радовался разрушению. Предположительно, причиной радости могло быть бытовое желание заработать, что для призрака тоже нелепо.

История священника, с которой читателей знакомят далее, оказывается еще более непонятной и обрывочной, чем вторая, но теперь по вине ее непосредственного рассказчика – священника. Она оказывается смешением множества разных сюжетов, и абсурдность происходящего ярко показана в диалогах участников пирушки:

«– И тогда мой дядя побегал в сад и взял там свое ружье, но привидения там, конечно, не было, и Скроггинс сказал, что он в него не верит.

– Не верит в кого именно? И кто такой Скроггинс?

– Скроггинс! Ах, вы не знаете? Это тот, другой, – понимаете, это его жена...

– Какая жена? Откуда она взялась и что ей нужно?

– <...> Она приехала в Лондон со своей двоюродной сестрой, которая является моей невесткой, а другая племянница вышла замуж за человека по фамилии Эванс, а когда все кончилось, Эванс понес коробку к мистеру Джекобсу <...>

– Подождите, оставьте в покое Эванса с его коробкой; что случилось с вашим дядей и ружьем?

– Ружьем! Каким ружьем?».

Последняя история – «Призрак голубой спальни», рассказанная дядюшкой главного героя, обещала быть зловещей и таинственной. И она была связана непосредственно с тем домом, где состоялась пирушка. Призрачный обитатель голубой спальни представлен как «ужасный грешник», однако гротескное количество приписываемых ему преступлений и особенно нелепые способы, которыми они совершались («швырнул из окна куском угля, который попал певцу в рот, застрял в горле и задушил его»; угостил «свинным паштетом, купленным в станционном буфете»), вызывают у читателей не ужас, а смех. Не менее нелепыми были выбор жертв и мотив преступлений. Создается ощущение, что «ужасный грешник» мстит музыкантам со всех концов света, причем его месть продолжается и после смерти.

Финальная сцена рассказа дядюшки становится квинтэссенцией абсурда из-за контраста эпичности и мрачности описания с нелепостью действующих лиц и чрезмерно подчеркнутой призрачностью (этой характеристики удостоились даже ноги и арфа):

«Там, от полноты и до первых петухов, раздаются дикие вопли и стоны, насмешливый хохот, а временами призрачные звуки ударов. Там он ведет свою ожесточенную призрачную битву с привидениями корнетиста и певца, иногда поддерживаемыми тенями оркестрантов, в то время как дух задушенного арфиста исполняет безумные замогильные мелодии призрачными ногами на призраке сломанной арфы».

Логическим продолжением истории дядюшки является правдивое повествование рассказчика «Пирушки» о его встрече с призраком. В соответствии с канонами все участники вечера пытаются его отговорить от решения ночевать в комнате с привидением, однако в качестве доводов наряду с традиционным предупреждением о смертельной опасности фигурирует и незастланная постель, что в одном ряду выглядит нелепо. Главный герой, конечно же, настаивает на своем, но движущим мотивом для него становится соответствие роли гостя на Рождество:

«Вся компания пробовала отговорить меня от того, что они называли бессмысленной затеей, но я оставался непоколебим и требовал осуществления своих законных прав. Я был “рождественским гостем”, а гость в сочельник спит в комнате с привидениями. Это входит в его роль».

Особого внимания заслуживает описание состояния героя, когда он принимает это решение. Исследователи отмечают, что нередко в традиционной истории о призраках есть возможность двойного толкования произошедшего из-за воздействия алкоголя, лекарств, болезни и т. п. на персонажа (Липинская, 2021), но в случае «Пирушки с привидениями» доверие читателей к рассказчику сильно подорвано, поскольку поведение последнего вызывает сомнение в способности делать логические умозаключения и отличать кажущееся от реального:

«Как случилось, что мистер Кумбес очутился в моем кресле, вместо того чтобы быть в другом углу комнаты, где он сидел весь вечер? Почему он, мистер Кумбес, не извинился, когда я сел прямо на него? Почему молодой Биффлс стал изображать моего дядю Джона и требовать, чтобы я целых три минуты тряс его за руку и уверял, что всегда любил его, как родного отца? – эти события до сих пор остаются для меня загадкой».

Поэтому и традиционные знаки, являющиеся предвестниками появления призрака (падение свечи, мрак, бессонница), теряют мистический ореол.

Встреча героя с привидением выходит за рамки тех моделей поведения, которые были предложены во введении. И призрак, и герой ведут себя в полном соответствии с нормами поведения английского джентльмена. Вместо того чтобы пугать или вести за собой, призрак просто сидит в кресле и курит трубку, а герой просто заводит с ним светский разговор, который начинается с обсуждения погоды.

Далее рассказчик, используя традиционные для английской светской беседы эвфемизмы, уточняет правдивость рассказа дядюшки. Обнаружив, что собеседник охотно поддерживает разговор, он продолжает расспросы и выясняет, что призрак не сожалеет о содеянном, а гордится им. Переломным моментом становится раскуривание трубки табаку за компанию с призраком, после которого, как и полагается в среде истинных джентльменов, общение становится еще более дружеским и доверительным.

Описания преступлений становятся более подробными и при этом более абсурдными. Список жертв завершается лекторами из Гайд-парка, которые заговорили друг друга до смерти.

Более того, и после смерти «ужасный грешник» продолжил борьбу с призраками своих жертв и «сумел их всех по очереди искромсать, выпотрошить и сделать совершенно непригодными для рождественских выступлений».

В этой истории, в отличие от классической, мотив совершения преступлений остается необъясненным, тем не менее можно с высокой долей вероятности предположить, что причиной всей череды убийств является нарушение личного пространства основного персонажа. Причем рассказчик истории в определенной мере разделяет убеждения призрака, касающиеся соблюдения тишины, отмечая, что «слушать его было большим наслаждением».

Далее беседа вновь возвращается в светское русло. Рассказчик выражает надежду, что призрак продолжит посещать дом, а призрак соглашается, при условии, что рассказчик тоже придет, поскольку он единственный, кто не докучал призраку своим страхом.

Известный фольклорный мотив о том, что нечистая сила покидает мир живых с первым криком петуха, также обыгрывается в «Пирушке» в аспекте очеловечивания призраков и следования джентльменскому кодексу. Призрак у Джерома сетует на высшие силы из-за несправедливости установленных правил и испытывает горечь и негодование из-за невозможности придерживаться определенного распорядка, как подобает истинному джентльмену:

«– Не могу понять, чем руководствовался наш старик, там, наверху, когда придумал этот петуший сигнал. Сколько раз я ему твердил и повторял: установите определенное время, и каждый из нас будет его придерживаться; скажем, до четырех часов утра летом и до шести утра зимой. Какая прелесть твердое расписание!».

Далее в той же светской манере рассказчик предлагает проводить призрака:

«– Если бы вы подождали меня минуточку, – сказал я, вскочив с постели, – я бы проводил вас домой.

– Это очень мило с вашей стороны, – поблагодарил он, – но, – и тут он остановился, – мне, право, совсем не вытаскивать вас на улицу ночью.

– Какие пустяки, – воскликнул я, – я с удовольствием прогуляюсь!».

Разговор с констеблем, начинающийся столь же вежливо, завершается для рассказчика совершенно неожиданно. Предметом спора оказывается не только существование призрака, но и наличие на герое брюк. Причем констебль апеллирует к тому, что он наблюдает непосредственно («Я их не вижу, значит, вы их не надели»), тогда как рассказчик в качестве доказательства приводит собственное представление о происходящем («Я отлично помню, как надевал их»). В дальнейшем, когда даже сам рассказчик убеждается в правоте констебля, он оказывается перед необходимостью доказывать реальность встречи с призраком, а следовательно, и свою респектабельность и благонадежность, что возвращает нас к причине, по которой главный герой рассказывает эту историю.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Важнейшим организующим признаком рождественской новеллы является чудо, результатом столкновения с которым становится трансформация героя. Соприкосновение с чудесным, редуцированным до потустороннего, лежит и в основе сюжета историй о призраках, причем для них нередко характерна двойственность в оценке реальности произошедшего, возникающая из-за конфликта установки на документализм с феноменом «ненадежности рассказчика».

Пародийность в «Пирушке с привидениями» возникает в результате использования следующих приемов:

- рационализация чудесного, проявляющаяся, с одной стороны, в приписывании призракам эмоций и мотивов действий, зависимости от внешних обстоятельств, характерных для живых людей, а с другой – в подчеркнута прагматичном отношении живых к миру призраков;

- многократное повторение сюжетных ходов в одной истории, доводящее ситуацию до абсурда;

- гиперболизация «ненадежности рассказчика», когда подробность и документальность описания только усиливают ощущение неадекватности главного героя.

Культурные традиции и бытовые представления также становятся объектом пародии в «Пирушке с призраками». Проецирование образа действий живых на призраков, о котором говорилось выше, делает более явными условность и лицемерность поведения людей. Автор показывает изнаночную сторону той внешней

благопристойности и респектабельности, которой так гордилось викторианское общество. В результате празднование Рождества и подготовка к нему превращаются в докучливую обязанность, а за кодом джентльмена, который является символом надежности и благородства для британской нации, может быть скрыто любое преступление. Именно этим объясняется тот факт, что данное произведение было плохо принято читателями и долго не переиздавалось.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в выявлении источников литературной пародии в творчестве Дж. К. Джерома, в определении основных приемов и средств пародии, а также их классификации.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд-е 4-е. М.: Советская Россия, 1979.
2. Зверев А. Улыбка Джерома // Джером К. Дж. В двух книгах. М.: Руссико, 1995. Книга вторая. Трое в лодке, не считая собаки. Трое на четырех колесах. Рассказы.
3. Королева О. А. Ирония в «малой» прозе Джерома К. Джерома и английская литературная традиция: автореф. дисс. ... к. филол. н. Н. Новгород, 2006.
4. Липинская А. Ghost story. К проблеме интерпретации и перевода одного термина // Филология и культура. 2021. № 3 (65).
5. Меретукова М. М. О малых жанровых формах английской рождественской литературы (на материале английской рождественской литературы XIX в.) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2018. Вып. 3 (222).
6. Мишагина А. С. Гипербола и ирония как пример создания комических эффектов в юмористической повести «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2022. № 37.
7. Новиков В. И. Книга о пародии. М.: Советский писатель, 1989.
8. Омелаенко Н. В. Юмор в романе Джерома К. Джерома "Three Men in a Boat" // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 1.
9. Розеватов Д. А. Жанровое своеобразие повести Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 2 (2).
10. Садовая Н. Д. Типология малых жанров в прозе Джерома К. Джерома (1885-1916): дисс. ... к. филол. н. М., 1984.
11. Фрейденберг О. М. Происхождение пародии // Русская литература XX века в зеркале пародии: антология. М.: Высшая школа, 1993.
12. Щербак Н. Ф. «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома: ирония, комический лиризм, история создания // Таврический научный обозреватель. 2017. № 2 (19).
13. Sagers A. Scary Christmas Stories: A History of the Holiday's Ghostly Tradition. 2020. URL: <https://www.denofgeek.com/culture/scary-christmas-stories-a-history-of-the-holidays-ghostly-tradition/>

Информация об авторах | Author information

RU

Воробец Татьяна Алексеевна¹, к. филол. н., доц.

Гердт Елена Валерьевна², к. филол. н., доц.

Лобкова Елена Владимировна³, к. филол. н., доц.

^{1, 2, 3} Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, г. Омск

EN

Vorobets Tatyana Alekseevna¹, PhD

Gerdt Elena Valerievna², PhD

Lobkova Elena Vladimirovna³, PhD

^{1, 2, 3} Siberian State Automobile and Highway University, Omsk

¹ brestovitskaya@mail.ru, ² lina_gerdt@mail.ru, ³ silsel07@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.03.2023; опубликовано (published): 17.05.2023.

Ключевые слова (keywords): Джером К. Джером; пародия; рождественская новелла; истории о призраках; Jerome K. Jerome; parody; Christmas story; ghost stories.